

СОЦИАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ»: ВАРИАНТЫ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Дмитрий Козлов

Дмитрий Козлов – аспирант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета. Адрес для переписки: пр. Ломоносова, 2, ауд. 219, Архангельск, 163002, Россия. dmitrys.kozlov@gmail.com.

Ключевые слова: Архангельская область, комсомол, «оттепель», советская молодежь, социализация, социальная идентичность

В последние годы историография советского общества пополнилась рядом работ, посвященных изучению молодежи в СССР (Yurchak 2006; Fürst 2010; Zhuk 2010). Обращаясь к сюжетам, связанным со взрослением при советском режиме, авторы получают возможность на основе этого материала прийти к более широким обобщениям относительно формирования «советского человека» как такового. Удивительно, что при этом периоде «оттепели» уделено недостаточно внимания историков и социологов молодежи. Яркие и интересные статьи теряются на фоне монографий, посвященных вопросам большой политики (Пихоя 2007), трансформациям советской культуры (Прохоров 2007), «взрослым» общественным проблемам (Козлов и Мироненко 2005).

Именно во время пребывания у власти Н.С. Хрущева государство обратило внимание на «проблемы молодежи» и активно использовало новое поколение при решении различных вопросов «взрослой» политики. Во-первых, необходимо было сменить функционеров времен Сталина на местах более молодыми деятеля-

¹ Автор выражает признательность Фонду Марион Денхоф (MarionDönhofStiftung) за стипендию, существенно облегчившую написание этой работы.

ми, не связанными с политическими традициями прошедшей эпохи. Во-вторых, меньший социальный опыт молодых людей не позволял им сравнивать реформы с тем, на смену чему они приходили. В-третьих, убежденность в неприхотливости молодежи (послевоенное поколение действительно не знало легкой жизни) позволяло обещать ей результат реформ после преодоления «временных трудностей». Наконец, в государстве накопился ряд нерешенных вопросов, напрямую касавшихся нового поколения (проблемы образования, нехватка жилья).

В советском дискурсе молодежь представлялась реально существовавшей «социально-демографической группой» (Кон 1974), на решение проблем которой была направлена деятельность комсомола и образовательных учреждений. Зарубежных советологов (Ploss 1956; Fisher 1959) новые поколения советских граждан, в первую очередь, интересовали как объект индоктринации коммунистическими идеями. Более перспективным представляется изучение не только механизмов индоктринации и решения конкретных «проблем молодежи», но и внимание к самоопределению самих молодых людей и девушек, которое могло как отвечать требованиям властей, так и вступать в противоречия с ними.

«СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ» КАК ПРЕДПИСЫВАЕМАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Как показал французский социолог Пьер Бурдьё, уже само выделение страты «молодежь» в структуре общества является инструментом управления обширной группой людей, объединенных возрастом и отчасти меньшей степенью включенности в общественные, экономические и политические процессы (Bourdieu 1978). В работах Филиппа Коэна «представление молодежи в качестве единой и гомогенной группы, легко определяемой по внешним признакам и “особенностям” поведения[...]» и основанная на этих представлениях дискриминация получили название «юсизм» (Омельченко 2005: 9). Юсизм проявляется, с одной стороны, в представлении о молодых людях как о неполноценных членах общества, еще не готовых вступить в настоящую («взрослую») жизнь, и, с другой стороны – в «наделении» молодежи особыми чертами, опосредованными возрастом, правами, интересами, занятиями.

Представляется возможным в противопоставление юсистским взглядам на молодежь использовать в качестве основы для анализа категорию «социальная идентичность», понимаемую как результат выделения в личности определенных черт, позволяющих соотносить ее социальный опыт с опытом других индивидов или социальных групп, с вариантами идентичности, признанными легитимными в конкретном обществе (Симонова 2008; Taylor and Spenser 2004). Установление «симметрии» между личностной и социально предписанной идентичностями (Бергер и Лукман [1966] 1995: 263) позволяет индивиду занять определенную позицию в обществе, стать его членом – социализироваться.

В Советском Союзе корпус одобряемых идентичностей воплотился в сложно организованном концепте «советский человек», а в определенном поколенческом

варианте – в категорию «советская молодежь»². Жители СССР должны были выстраивать свое самоопределение в соответствии с категорическим императивом – «быть советскими людьми». Идеологическая заостренность этих концептов придавала политический смысл любым отклоняющимся (в том числе неполитическим) вариантам самоопределения, в этом – главное отличие обретения «советскости» (*Sovietness*) от выбора этнических или возрастных идентичностей в других обществах.

Одним из институтов, обеспечивавших социализацию советской молодежи, наряду с образовательными учреждениями, был Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ). Коррекция идентичности комсомольцев и вовлечение в структуру ВЛКСМ несоюзной молодежи помогли индоктринировать молодых людей коммунистическими идеями, обеспечивать необходимую реакцию на решения партийных и государственных органов СССР. Само собой разумеющееся согласие молодых людей идентифицировать себя с «советской молодежью» в целом и комсомолом в частности обеспечивало не только вертикальный, но и горизонтальный контроль (самоконтроль) внутри ВЛКСМ. На это была направлена каждодневная деятельность всех его органов – от первичной ячейки до съезда.

Обсуждение и осуждение девиантных случаев происходило с позиций «презумпции здорового общества» (Кузовкин 1996): непременно подчеркивалось, что отклонения являются редкими и нехарактерными для всей советской молодежи. В этом заверяли как с трибуны съезда ВЛКСМ: «Коммунистическая партия вырастила и воспитала замечательное молодое поколение [...]. Наряду с этим [...] в идейно-воспитательной работе имеются серьезные недостатки» (XIII съезд 1959: 310–311), так и на менее представительных комсомольских собраниях: «Много замечательных трудовых подвигов совершено и молодежью нашей области. Но мы не можем не видеть [...] и недостатков в поведении отдельной части комсомольцев и молодежи [...]» (Стенограмма... 1955: 97).

Работа комсомола как на уровне ЦК, так и в региональных комитетах структурировалась по отделам рабочей, сельской, студенческой, учащейся молодежи. Однако принимая во внимание профессиональную, гендерную³, возрастную и национальную дифференцированность молодого поколения, уставные документы ВЛКСМ и выступления партийных и комсомольских лидеров зачастую апеллировали ко «всей советской молодежи». При том что социализация молодежи в разных регионах СССР была ориентирована на единый образец, свои особенности работы имел каждый региональный комитет комсомола, что, в большей степени, зависело от личных взглядов представителей регионального комсомольского актива. В деятельности комсомольских и партийных органов Архангельской области можно отметить характерную для провинции большую консервативность и осторожность в принятии решений, обусловленную привычкой к действиям с оглядкой на возможную реакцию центральной власти.

² Из обширного корпуса работ, посвященных конструированию советской идентичности, автор опирается, в первую очередь, на труды американского историка Шейлы Фитцпатрик (Фитцпатрик [2005] 2011).

³ Например, среди документов ЦК ВЛКСМ были обнаружены справки «о воспитательной работе среди женской молодежи» (Справки... 1950).

Сложно говорить о географически детерминированной идентичности архангельской молодежи: она не имела ярко выраженной национальной составляющей, в отличие, например, от жителей прибалтийских или закавказских республик СССР. «Коренные архангелогородцы» зачастую ощущали определенную «неполноценность», обусловленную провинциальным статусом города, и пытались компенсировать меньший доступ к дефицитным товарам и альтернативным источникам информации прослушиванием зарубежного радио или общением с советскими моряками заграничных плаваний и экипажами иностранных судов. В то же время для выходцев из сел и небольших городов, сохранявших в своем самоопределении традиционные крестьянские ценности, уже сам переезд в областной центр на работу или учебу был шагом по преодолению провинциальности.

Собранный на региональном уровне материал позволяет проанализировать, каким образом осуществлялось выявление и осуждение «неправильных» поступков, несовместимых с понятием «советская молодежь». Подобный метод воспитательной работы, «от противного», оказывался не менее действенным, чем апелляция к положительным образцам поведения. Предполагалось, что, сталкиваясь в жизни или на страницах печати с критикой тех или иных поступков, молодой человек соотносил с ней свое поведение. Хотя порой проверить, насколько тот или иной поступок допустим для представителя «советской молодежи», можно было только *post factum*, поскольку критерии оценок со стороны власти могли быть непоследовательными.

НЕПОДДЕРЖАННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Критикуя пассивность и скуку, догматизм и начетничество в комсомольской работе, комсомол и партия призывали молодых людей не бояться проявлять инициативу, широко участвовать в коммунистическом строительстве и общественной жизни. Соответствующие изменения были внесены на XIII съезде ВЛКСМ в Устав комсомола. Основным документом союза молодежи обогатился положением о том, что «важнейшим принципом работы ВЛКСМ является инициатива и самодеятельность всех его членов и организаций» (XIII съезд 1959: 323). Данный пункт отсутствовал как в предыдущих, так и в последующих редакциях Устава. На практике это должно было выражаться в реализации права «широкой инициативы в обсуждении и постановке перед соответствующими партийными организациями всех вопросов работы предприятия, РТС, МТС, совхоза, учреждения, связанных с задачами устранения недостатков в деятельности последних и оказания им необходимой помощи в улучшении работы [...]» (там же). На деле же именно на уровне взаимодействия партийных и комсомольских организаций были нередки конфликты, основанные на различной интерпретации «права широкой инициативы». Ограничителем права на самодеятельность и критику в самом тексте Устава было положение о партийном руководстве комсомолом, с 1926 года оставшееся главным принципом взаимодействия «взрослой» и молодежной идеологических организаций СССР.

С этой точки зрения интересно проанализировать конфликт, произошедший летом 1957 года между присланными на сельхоз работы студентами, руководством

колхоза и районной парторганизацией⁴. Студенческая группа Архангельского лесотехнического института, отправленная в помощь колхозу имени Сталина Холмогорского района, «встретила временные затруднения (не выдавали продуктов), повела себя неправильно» (Протокол... 2.09.1957: 26) – молодые люди отказались выходить на работу. Вызванные в райком КПСС староста и комсорг группы не согласились идти на предложенный компромисс и потребовали от партийного начальства изложить претензии в письменной форме (Стенографический отчет... 29.08.1957: 82–83 об.).

Инцидент в колхозе стал предметом обсуждения на пленумах областных комитетов КПСС и ВЛКСМ, а также на заседании институтского комитета комсомола, где его описывали как «пьяную выходку студентов-хулиганов». Больше всех пострадали руководители студенческого коллектива (староста и комсорг), которые, несмотря на поддержку однокурсников и некоторых преподавателей, были исключены из института. Безразличное отношение к студентам со стороны организаторов сельхозработ, равно как и отсутствие интереса к сельскому труду со стороны учащихся, не были тайной для областного партийного руководства. Об этом свидетельствует, например, принятое еще за год до описываемых событий соответствующее постановление бюро обкома КПСС (Постановление... 28.09.1956: 148). Однако на нежелание признать в инциденте трудовой конфликт, сходный с забастовкой, и на последовавшее наказание, как представляется, повлияло нарушение студентами неписанных правил улаживания споров. Они попытались самостоятельно решить возникшую проблему в обход вышестоящих комсомольских органов. Их поведение и в колхозе, и в институте (предложение институтского комитета ВЛКСМ назвать «зачинщиков» обсуждалось на специально созванном групповом комсомольском собрании) свидетельствует о вере молодых людей в действенность комсомольских инициатив.

Неоднозначное отношение партийного и комсомольского начальства к инициативам молодежи отчасти было обусловлено идеологическими и политическими изменениями, происходившими в тот период в стране. Сам термин «советское» в условиях одновременной борьбы КПСС и с «пережитками культа личности», и с «ревизионизмом» обладал широким контекстом взаимоисключающих интерпретаций. На уровне практических дел – подготовка к Московскому фестивалю молодежи и студентов, породившая невиданный энтузиазм молодых людей, соседствовала с гасящей всяческую инициативу реакцией властей на Венгерское восстание 1956 года. Тот факт, что на улицы Будапешта против советских танков вышли представители официально действовавших молодежных организаций, клубов и кружков заставляло партийные органы опасаться чрезмерного проявления инициативы на местах. Особое опасение вызывали попытки поставить под сомнение «испытанные» формы комсомольской работы.

30 ноября 1956 года статьей В. Ишмаева «Почему бы не сделать так?» (1956) архангельская молодежная газета «Северный комсомолец» открыла дискуссию о формах комсомольской учебы. Внештатный корреспондент газеты предлагал со-

⁴ Подробный анализ этого случая в сопоставлении с другими трудовыми конфликтами времени «оттепели» был представлен мной в апреле 2012 года в докладе на конференции «Конструируя “советское”?» в Европейском университете в Санкт-Петербурге (Козлов 2012).

вместить лекционную пропаганду с выступлениями художественной самодеятельности и более свободными формами изучения идейного наследия и истории КПСС. Несмотря на то, что большинство участников обсуждения не согласилось с предложениями автора, именно эта статья стала поводом для принятия в январе 1957 года постановления Архангельского обкома КПСС «О крупных недостатках и ошибках в работе редакции газеты “Северный комсомолец”». Среди «грубейших ошибок редакции» были названы «[...] демагогические противопоставления рядовых членов союза комсомольскому активу, кадрам партии и государства, попытки увести комсомол из-под партийного контроля, непозволительно развязный тон в отношении партийных органов и их работников [...]» (Постановление... 29.01.57: 52).

Виновными в ошибках «Северного комсомольца» были объявлены журналист Ю.С. Хамьянов, «превративший» газету «в рупор своих требований “свободы” молодежи [...] от партийного руководства» (Стенограмма... 2.02.1957: 177) и редактор П.Б. Тетеревлев, «попустительствовавший» этому. Журналистов газеты обвинили в попытке «занять какую-то свою позицию», в том, что она «не организовывала комсомольцев, а спокойно фиксировала события» и «[...] просто сопоставляет факты, допуская произвольное их толкование читателями» (там же: 8, 16, 30). Принятие постановления, обсуждение редакции на пленуме обкома ВЛКСМ и специально собранном областном совещании работников печати привели к обновлению состава редакции «Комсомольца» (Тетеревлев и Хамьянов были уволены из газеты) и к изменению редакционной политики не только провинившейся газеты, но и ряда других изданий области. Число сатирических материалов на страницах газеты заметно сократилось, а публикуемые статьи были посвящены, в основном, поведению и успеваемости учащихся. Почти на год замолчала стенная сатирическая печать Архангельска и Няндомы. Необходимо отметить, что аналогичные обвинения в тот год были предъявлены многим комсомольским газетам (Справки... (А–Л) 1957; Справки... (М–Я) 1957).

Таким образом, даже опираясь в своих действиях на Устав ВЛКСМ, не подвергая свою «советскость» сомнениям, молодые граждане СССР не были застрахованы от репрессий и критики в свой адрес. Слишком общий характер и двусмысленность языка комсомольских документов приводили к тому, что идеологическое ядро советской идентичности переставало быть четко очерченным и могло включать в себя новые элементы или редуцироваться до сугубо «географического маркера» (Fürst 2010: 4, 198–199). Соответствие предписанной идентичности определялось не внутренними убеждениями молодых людей, а скорее практическими проявлениями лояльности. Возможность быть, с одинаковой вероятностью, как наказанным, так и поощренным, и нежелание партийных функционеров допустить привнесение новых смыслов в работу ВЛКСМ, сковывали инициативу молодежи и превращали комсомольские практики в ритуал.

КРИТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Стремление изменить хотя бы «отдельные стороны жизни» могло повлечь за собой то или иное наказание. Но еще больший риск несли публично высказанные

сомнения в верности политического курса советского государства. Импульсом к появлению подобных сомнений можно считать секретный доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. С одной стороны, доклад и его обсуждение на местах, скупые выдержки из него в прессе осудили как «чуждый марксизму-ленинизму» целый исторический период. С другой стороны, критика сталинского режима оказалась неполной и непоследовательной, а декларировавшийся возврат к ленинским нормам партийного строительства и государственного управления ограничивался рядом партийных документов и действиями региональных парторганизаций. Стоит рассмотреть некоторые варианты критики советского режима, демонстрирующие отсутствие единодушия в отношении к более чем неоднозначной политике конца 1950-х годов. Первой реакцией на «развенчание культа личности Сталина» было стихийное выражение поддержки хрущевских инициатив. Молодые люди, познакомившиеся с текстом секретного доклада на комсомольских собраниях или, что вероятнее, узнав о перемене официального отношения к Сталину от знакомых или из прессы, уничтожали изображения бывшего вождя, награждали его нелицеприятными определениями. Так, ученик одной из сельских школ Архангельской области Бобылев призывал школьников убирать портреты Сталина, поскольку «он враг народа» (Справки... 1956: 96). Комсомолка А.И. Выморкова, придя в библиотеку, «сняла портрет тов. [затерто] Сталина, вынула его из рамки, изорвала и бросила в печку. [...] другой портрет тов. [затерто] Сталина вместе с тов. Калининым М.И., вынула из рамки, разделила его наполовину, оставив Калинина, а Сталина изорвала и бросила в печку» (там же: 122). Объясняя свой поступок, девушка заявила, что в газете «Правда» Сталин «[...] показан, как плохой человек и имеет много недостатков» (там же). Характерной чертой антисталинских высказываний и поступков молодежи 1950-х годов является их связь с традициями политического поведения, сложившимися в предыдущую эпоху. Уничтожение портретов, ликвидация именованная «товарищ», что использовалось ранее только по отношению к репрессированным, сам термин «враг народа» – все это набор выражений символической борьбы с политическими оппонентами, активно использовавшийся при Сталине. В 1956 году объектом этой борьбы стал сам бывший «вождь народов».

Разоблачение культа личности и его последствий сделало возможным сомнение и в верности текущего политического курса. Непосредственным толчком к выражению протеста обычно становились очевидные несовпадения окружающей реальности с текстами партийных документов. Тем не менее, большинство авторов критических высказываний и поступков конца 1950-х годов не ставили под вопрос необходимость дальнейшего развития СССР как социалистического государства. Непререкаемым авторитетом оставался Ленин. За отход от «ленинских заветов» и недостаточную последовательность в разоблачении преступлений Сталина критике подвергалось современное правительство⁵.

⁵ Спектр критических выступлений в СССР после XX съезда КПСС не исчерпывался антисталинскими утверждениями. Многие, наоборот, считали доклад Хрущева и осуждение культа личности в прессе и на местах предательством. До сих пор в архангельских архивах не было обнаружено следов выступлений в защиту И.В. Сталина, однако нельзя быть уверенным, что их не было.

В своей богатой фактическим материалом книге историк Юрий Аксютин (2004) цитирует письмо Н.С. Хрущеву двадцатипятилетнего моториста одного из лесозаготовительных пунктов Архангельской области Б. Генерозова (ошибочно названного Генераловым). Молодой человек от лица рабочих лесопункта благодарил первого секретаря ЦК КПСС за смелость и призывал передать государственную власть в руки советов рабочих депутатов. Свои требования он подкреплял ссылками на Ленина, которого рабочие, по его словам, «свято чтят» (Аксютин 2004: 177). Автор письма предостерегал Хрущева от возможных «инцидентов» и «ненужных кровопролитий», которые могут произойти в случае отказа удовлетворить требования, изложенные в письме. Вполне вероятно, что товарищи Генерозова по работе не были согласны с позициями письма, изъятого у него при обыске. Очевидно, моторист пытался склонить их на свою сторону (об этом свидетельствуют изъятые у него листовки), но не оказался достаточно убедителен, что не помешало ему выступать от лица всего коллектива.

Чем более глубоким был критический анализ советского строя, тем менее его автор, как правило, был готов к незамедлительным политическим действиям. Так, в противоположность импульсивным воззваниям молодых рабочих, подпольные группы и дружеские кружки студенческой молодежи либо вообще не стремились публично выражать свою позицию, либо, ориентируясь на традиции революционного подполья, вели деятельность исключительно в конспиративных формах (Пименов 1996: 65–68; Иофе [псевд.: Рождественский С. Д.] [1981] 1982).

В 1958 году к восьми годам заключения за антисоветскую агитацию и пропаганду был осужден двадцатисемилетний архангельский экономист Сергей Пирогов. Под влиянием ранних работ Маркса и опыта югославских коммунистов он пришел к выводу о том, что общественный строй в СССР не может быть назван советским и должен быть признан госкапиталистическим (Следственное дело... 1957 Т. 1: 81). Весной 1957 года он делился своими взглядами с группой молодых ленинградских рабочих, приехавших на Север по общественному набору. Встречи продолжились летом в Ленинграде. В своих «лекциях» Пирогов рассказывал о госкапиталистической природе СССР, преступлениях сталинизма, Союзе коммунистов Югославии, событиях в Польше и Венгрии, романе В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым» – «джентльменский набор» тем для критически мыслящего молодого человека 1956–1957 годов. В качестве одного из доказательств вины Пирогова в создании «антисоветской группы молодежи» выступало его письмо ленинградским друзьям Виктору Шейнису и Алле Назимовой: «...Надо и возможно, мне кажется – вести работу кружков (кружок друзей). Лозунгом таких кружков надо сделать “знание – сила”. Оптимизм, вера в будущий социализм – это результат убеждений, большого знания» (Письмо... 21.08.1957).

«Антисоветскую группу Пирогова» вряд ли можно считать организованным подпольным кружком. Несмотря на использование примитивных средств конспирации (закрытость для посторонних, симпатические чернила в переписке), группу скорее можно назвать «кружком друзей». Сложно сказать, планировал ли Пирогов создание на ее основе политической организации, однако не будет ошибкой утверждать, что идею проводить товарищеские встречи в соответствии с «планом

занятий» он позаимствовал у Шейниса и Назимовой, на квартире которых в конце 1950-х годов собиралась так называемая «группа марксистов» (Пименов 1996: 48–50, 64–69) – компания вольномыслящих выпускников ленинградских вузов. Во многом «группа Пирогова» была «создана» на допросах в КГБ: некоторые из участников кружка, перенимая предлагавшуюся следователем терминологию, на допросах говорили и о «нелегальных сборищах», и об «антисоветской организации».

Интересно сравнить причины, подтолкнувшие участников группы к инакомыслию. Молодые рабочие, по комсомольским путевкам приехавшие строить Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат, столкнулись с тяжелыми условиями труда, неустроенностью быта. Комиссия, присланная горкомом КПСС в конце 1956 года на стройку, отмечала множественные факты «бездушного отношения к молодым рабочим» (Справка... 1957). Как и у Генерозова, несоответствие реальности пропагандируемому уважению к рабочему классу породило сомнение в справедливости режима. Еще до встречи с Пироговым одна из будущих «антисоветчиц» писала брату в Ленинград:

Я стала не просто созерцателем жизни, но больше стала из всего делать выводы, искать меры борьбы [...]. Я пришла к твердому убеждению, что нужно все ломать и начинать заново. Я сейчас так представляю путь, пройденный с 1917 года... Это кривая линия – сторона, в которую мы свернули, и теперь мы должны свернуть с этой кривой линии и встать снова на прямой путь. Правда, не знаю, что надо сделать. Как бороться? [...] Поэтому я начала изучать марксизм и притом с диалектического материализма (Письмо... 29.03.1957).

Протест Сергея Пирогова был более осмыслен с политических позиций. У него, по его словам, еще во время обучения в старших классах

[...] возникли сомнения в отношении многих вопросов внешней и внутренней политики нашего правительства, в частности, по югославскому вопросу и «кежовщине». Когда учился в Ленинграде в университете, эти сомнения [...] усилились в связи с процессами, происходившими в странах народной демократии над Райком, Костовым, Сланским (Следственное дело... 1957–1958 Т. 1: 81).

Дальнейшее изучение марксистской литературы и общение со студентами ЛГУ из Восточной Европы только укрепили его идеи. Разница в возрасте и уровне образования (Пирогов уже два года после окончания университета преподавал политэкономия, прочие же члены кружка только закончили обучение в средней школе) сделала его «вождем организации», чему он, надо полагать, не противился. Критические выступления, основанные на знакомстве с идеями марксизма и опыте российского революционного движения, казалось бы, не должны были вступать в конфликт с предписанной советской идентичностью. Но в условиях острых политических дискуссий как со сталинистами, так и с «ревизионистами» внутри страны и за ее пределами точно ответить на вопрос, что является «советским» и «коммунистическим», порой не могли даже идеологи режима. Индивиду-

альные инициативы молодежи расширяли границы «советскости», в то время как предписанная «советскость» оставалась неизменной, несмотря на антисталинские выступления Хрущева. Поэтому антисоветскими могли быть названы требования передачи власти советам рабочих депутатов, а в качестве улики при обыске изыматься газеты восточноевропейских компартий и копии секретного доклада Хрущева (Пименов 1996: 8–11).

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Перед исследователем возникает опасность привести все обнаруженные варианты «несоветского поведения» к общему знаменателю политического протеста. Такая точка зрения характерна не только для советских текстов, осуждавших «антисоветскую деятельность» критически настроенных сограждан, но и для публицистов русской эмиграции 1950-х, и для некоторых представителей отечественной историографии рубежа 1980–1990-х годов. Как правило, к таким выводам исследователей подталкивают источники, к которым можно обратиться для восстановления событий. Обычно информации, справки, стенограммы и протоколы партийных и комсомольских собраний содержат не только упоминание или описание фактов, но и их однозначную оценку в качестве антиобщественных, а значит – антисоветских, поступков.

Как политическая манифестация было расценено выступление первокурсника Архангельского медицинского института Скорнякова, который 17 декабря 1956 года на курсовом комсомольском собрании положил на стол комсомольский билет и заявил: «Я не считаю себя комсомольцем и считаю, что у нас нет коммунизма, у нас нет и социализма, а наука История партии – это лишний предмет, включенный в программу ВУЗов» (Стенограмма... 26.12.1956: 89 об.). Можно было бы назвать студента сторонником восточноевропейского неомарксизма, который, подобно Пирогову или участникам столичных политических кружков, отказывал Советскому Союзу в праве называться социалистическим государством, видя в нем коллективного эксплуататора рабочего класса, однако обращение к документам институтского парткома рисует несколько иной его портрет⁶.

Вопрос «о комсомольском собрании 1 курса 15.XII.1956 года» был рассмотрен на заседании партбюро института вскоре после выступления Скорнякова. Докладчик достаточно подробно пересказал членам бюро произошедший случай, отметив, что «собрание пришло в негодование» (Протокол... 1956: 120) после выхода студента. Гораздо более полную информацию о взглядах Скорнякова дают ответы на вопросы, заданные ему после попытки демонстративного выхода из комсомола. На вопрос, является ли Ленин идеалом для него, молодой человек ответил примерно следующее: «ЛЕНИН единственный в своем роде человек, комсомол переродился. Наш комсорг отлынивал от работы, когда я таскал мешки с картошкой. Я верю в людей, но вижу, что здесь сидит половина лицемеров. [...] я бессилён исправить их» (там же: 121).

⁶ К сожалению, не сохранилось протокола собрания, на котором выступил Скорняков. В архивном фонде комитета ВЛКСМ Архангельского мединститута (ОДСПИ ГААО.Ф. 1241) вообще не отложилось ни одного (!) документа за период с 1956 по 1960 год включительно.

Сравнивая себя с Онегиным и Печориным, первокурсник утверждал, что «потерял веру не только в коммунизм, но и в жизнь». По словам сокурсников, «он хотел изучить человека, поэтому и поступил учиться в Медицинский институт», до этого поступал в Университет⁷, три месяца проучился в Архангельском лесотехническом институте. На наш взгляд, в данном случае уместнее говорить не столько о сознательном политическом протесте, сколько о кризисе личностной идентичности, характерном для юношеского возраста как времени перехода «во взрослую жизнь». Не найдя отражения своих идеалов в деятельности комсомола: «люди врут друг другу, топят один другого», – молодой человек отказался идентифицировать себя с комсомольцами и решил выйти из состава организации. По его словам, им руководило еще и любопытство: «Что со мной сделают, если я положу билет» (там же: 120–121).

Факты «пассивности», «отрыва от коллектива», «аполитичного поведения» достаточно часто обсуждались на комсомольских собраниях, приводились в пример прессой и авторами внутрипартийных информационных материалов. Однако случай Скорнякова необычен тем, что студент демонстративно выразил свой протест. Обычно молодые люди, отказывавшиеся принять предписываемую социальную идентичность, либо просто переставали принимать участие в деятельности комсомола (платить членские взносы, участвовать в собраниях и культурно-массовых мероприятиях), либо продолжали демонстрировать внешнюю лояльность, тщательно оберегая свое личное пространство от вмешательства извне.

Обе эти стратегии равно представлены в поведении членов молодежных субкультур, и первая из них – стилиги – появилась в Советском Союзе на рубеже 1940-х и 1950-х годов. Участники уже процитированного собрания партбюро мединститута сетовали, что «в настоящее время в мединституте усилилось (так в тексте – *прим. авт.*) количество стилиг» (там же: 123). Преподаватели связывали этот феномен с активизацией буржуазной пропаганды в условиях усиления международной напряженности, проводя знак равенства между стилигами и студентами типа Скорнякова: «Такие выступления не единичны, они были и в других вузах, особенно связанные с событиями в Венгрии. Да и у нас он [Скорняков] не один. На этот курс надо обратить самое серьезное внимание. Есть здесь не в полном смысле слова стилиги, а, как говорят, подстиляги» (там же: 122).

Можно предположить, что именно грань между уклонением от комсомольских обязанностей и социальной мимикрией отделяла «стиляг» от «подстиляг». Случаи демонстрации своей субкультурной принадлежности только в свободное от учебы или работы время и в специальных местах (на танцах или в местах встреч) имели место гораздо чаще полного отказа от «нормального» советского образа жизни. С другой стороны, сам термин «стиляга» со времени своего появления использовался официозом для маркирования различных форм отклоняющегося поведения помимо увлечения западной музыкой и броской одеждой (см. подробнее: Рот-Ай 2004). На то, кого называли стилигой, влиял габитус говорящего. Так, для комсомольских активистов из сельских районов Архангельской области лю-

⁷ Из текста протокола неясно, в какой именно университет не прошел по конкурсу Скорняков.

бое отклонение от привычной манеры одежды и поведения воспринималось как следствие серьезных недостатков в воспитательной работе:

Вот вчера на станции Обозерской мы решили посмотреть клуб... и за весь вечер прокрутили одну пластинку вальса, одну танго, а остальные пластинки были все буги-вуги. Меня просто поразило, была там хорошенькая девушка, и она начала так кривляться... [...] Я подошел к тому, кто крутил эти пластинки и спросил его: «У вас есть другие пластинки?» – «Есть». – «Почему же вы не крутите их?» – «А у нас под них не танцуют».

Там грязь... танцуют в шапках, тут же курят. Что же смотрит молодежь? Или там нет актива? Секретарям комсомольских студенческих организаций надо тоже смотреть за молодежью. Неужели они у вас так же танцуют, как танцуют у нас? (Стенограмма... 15.05.1958: 120–121).

В то же время городские комсомольцы порой вставали на защиту стремления модно одеваться: «[Неряшливо одетый мужчина] курит и говорит человеку, который, может быть, все-таки пестро одет, но одет хорошо, красиво, не столь шикарно, сколько со вкусом... – «стиляга», у самого во рту папироса и ругается матом. Нужно разъяснить, что такое стилиага, нужно, чтобы люди понимали это» (Стенограмма... 26.03.1957: 37).

Субкультурное поведение наиболее ярко демонстрирует конфликт, который мог возникать при сравнении собственной идентичности с предписанной. Приверженцы данной субкультуры подчеркивали свое отличие от «нормальных» членов общества использованием предметов-маркеров (специфическая одежда, атрибутика), сленга, поиском пространств, свободных от контроля. Это помогало быстро и с большой долей уверенности отделить «своих» от «чужих». Неприятие «чужого» мира, подкрепленное непониманием противоположной стороны и, зачастую, репрессивными мерами, облегчало идентификацию со «своими». Если для стилиаг «своим кругом» были молодые люди, копировавшие «западный» стиль поведения, то для молодежи, не вовлеченной в эту субкультуру, таким кругом могла стать семья, дружеская компания, товарищи по учебе или самодеятельности, друзья по переписке. Несмотря на отсутствие демонстративного противопоставления своей идентичности норме, определение «своих» и «чужих» проходило в этом случае не менее успешно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социализация, начинающаяся в момент включения личности в общественные отношения, завершается только к моменту выхода из них. По мере взросления и перемещения по социальному пространству человек осваивает новые роли, но принцип различения допустимых и девиантных идентичностей усваивается в детстве и юности. Начиная идентифицировать себя с советской молодежью, индивид постепенно становился полноправным членом общества, настоящим «советским человеком». Конструкты «советская молодежь» и «советский человек», идентификация с которыми требовалась для успешной социализации, чаще понимались интуитивно, нежели являлись предметом рефлексии для жителей СССР. В констру-

ировании советского человека важную роль играла система ритуалов, которая по мере ослабления контроля над гражданами постепенно замещала собой весь процесс социализации.

Казалось бы, закрытая природа советского общества, его повышенная идеологизированность, развитые формы контроля над личностью должны были сделать социализацию успешной. Тем не менее, приведенные примеры вольного или невольного выпадения из допустимых форм поведения свидетельствуют о том, что в годы «оттепели» у граждан СССР появилась свобода самоопределения, возможность сохранить свою собственную идентичность, не приводя ее в норму с предписанной. Постепенное выхолащивание содержания предписанной идентичности в 1970–1980-х годах, появление более привлекательных альтернативных идентичностей привело к тому, что советское общество эпохи «развитого социализма» при видимой идеологической однородности представляло собой систему слабо связанных друг с другом и в основном идеологически индифферентных сообществ (Yurchak 2006). Эти необратимые изменения, с одной стороны, обеспечили отсутствие сопротивления политическим реформам 1980–1990-х годов, но с другой стороны, многолетняя привычка к социальной мимикрии, отсутствие навыка участия в реальной, а не ритуализованной политике, не смогли обеспечить им долгую и устойчивую поддержку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- XIII съезд. 1959. *XIII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. 15–18 апреля 1958 года*. Стенографический отчет. М.: Молодая гвардия.
- Аксютин, Юрий. 2004. *Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР 1953–1964 гг.* М.: РОССПЭН.
- Бергер, Питер и Томас Лукман. [1966] 1995. *Социальное конструирование реальности*. М.: «Медиум».
- Иофе, Вениамин [псевд.: Рождественский С. Д.]. [1981] 1982. «Материалы к истории самостоятельных политических объединений в СССР после 1945 г.». С. 226–283 в *Память: исторический сборник*. Вып. 5. Париж: La Presse Libre.
- Ишмаев, В. 1956. «Почему бы не сделать так?» *Северный комсомолец*, 30 ноября, с. 1.
- Козлов, Владимир и Сергей Мироненко, ред. 2005. *Крамola. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953–1982)*. М.: Материк.
- Козлов, Дмитрий. 2012. «Интерпретация социального протеста в официальном дискурсе периода “оттепели”». С. 84–91 в *Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы научной конференции студентов и аспирантов*, 20–21 апреля, Санкт-Петербург. СПб.: Издательство ЕУСПб.
- Кон, Игорь. 1974. «Молодежь». С. 478–479 в *Большая советская энциклопедия*. Т. 16, Мезия–Моршанск. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия.
- Кузовкин, Геннадий. 1996. «Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней “оттепели”» в *Корни травы: Сборник статей молодых историков*, под ред. Ларисы Ереминой и Елены Жемковой. М.: Звенья. Просмотрено 4 июля 2012 г. (<http://www.memo.ru/library/books/korni/index.htm>).
- Омельченко, Елена. 2005. «Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX–XXI вв.». Автореферат диссертации д-ра социол. наук. М.: Институт социологии РАН. Просмотрено 4 июля 2012 г. (<http://www.sociology.ru/files/avtoreferat.E.Omelchenko.pdf>).
- Пименов, Револьт. 1996. *Воспоминания*. Т. 1. М.: Панорама.
- Пихоя, Рудольф. 2007. *Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны. 1945–1985*. М.: АСТ.

- Прохоров, Александр. 2007. *Унаследованный дискурс: парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели»*. СПб.: Академический проект.
- Рот-Ай, Кристин. 2004. «Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стиляги и идея советской “молодежной культуры” в эпоху “оттепели”». *Неприкосновенный запас* 4(36). Просмотрено 4 июля 2012 г. (<http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/ra4.html>).
- Симонова, Ольга. 2008. «К формированию социологии идентичности». *Социологический журнал* 3:45–61.
- Фитцпатрик, Шейла. [2005] 2011. *Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века*. М.: РОССПЭН.
- Bourdieu, Pierre. 1978. “La jeunesse n’est qu’un mot.” Pp. 520–530 in *Les jeunes et le premier emploi*. Paris: Association des âges.
- Fisher, Ralf Talcott. 1959. *Pattern for Soviet Youth: A Study of the Congresses of the Komsomol, 1918–1954*. New York: Columbia University Press.
- Fürst, Juliane. 2010. *Stalin’s Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism*. Oxford: Oxford University Press.
- Ploss, Sidney I. 1956. “Political Education in the Postwar Komsomol.” *American Slavic and East European Review* 15(4):489–505.
- Taylor, Gary and Steve Spenser, eds. 2004. *Social Identities: Multidisciplinary Approaches*. New York: Routledge.
- Yurchak, Alexei. 2006. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Zhuk, Sergei. 2010. *Rock and Roll in the Rocket City: The West, Identity, and Ideology in Soviet Dniepropetrovsk, 1960–1985*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press / Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Письмо Дьяченко Л.Д. брату. 29 марта 1957. Копия. Исторический архив Исследовательского института Восточной Европы при университете Бремена [University of Bremen. Forschungsstelle Osteuropa. Archive]. Ф. 185 (Сергей Пирогов)⁸.
- Письмо Пирогова С.К. Шейнису В.Л. и Назимовой А.К. 21 августа 1957. Копия. Исторический архив Исследовательского института Восточной Европы при университете Бремена [University of Bremen. Forschungsstelle Osteuropa. Archive]. Ф. 185 (Сергей Пирогов).
- Постановление бюро Архангельского обкома КПСС «О крупных недостатках и ошибках в работе редакции газеты “Северный комсомолец”». 29 января 1957. Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (ОДСПИ ГАО). Ф. 296 (Архангельский областной комитет КПСС). Оп. 3. Д. 128. Л. 41–56.
- Постановление бюро Архангельского обкома КПСС. 28 сентября 1956. ОДСПИ ГАО. Ф. 296. Оп. 3. Д. 23. Л. 148.
- Протокол №1 заседания комитета ВЛКСМ Архангельского лесотехнического института. 2 сентября 1957. ОДСПИ ГАО. Ф. 6811 (Комитет ВЛКСМ Архангельского лесотехнического института). Оп. 1. Д. 43. Л. 26.
- Протокол заседания партийного бюро Архангельского государственного медицинского института. Декабрь 1956. ОДСПИ ГАО. Ф. 864 (Комитет КПСС Архангельского государственного медицинского института). Оп. 1. Д. 60.
- Следственное дело Пирогова С.К. и Тарасова О.А. 1957–1958. Архив РУФСБ России по Архангельской области. Ф. 7. Ед. хр. П-17578. Т. 1.
- Справка в Архангельский обком КПСС по разбору письма Моховиковой Е.Н. в ЦК КПСС. 1957. ОДСПИ ГАО. Ф. 1740. Оп. 1. Д. 2471. Л. 19–21.

⁸ В настоящее время личный фонд С.К. Пирогова проходит обработку, поэтому дать более точную ссылку на местоположение документа не представляется возможным.

- Справки, информации о воспитательной работе среди женской молодежи. 1950. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 32 (Сектор пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ). Д. 600.
- Справки, информации по ознакомлению с докладом тов. Хрущева Н.С. "О культе личности и его последствиях" в партийных организациях области. 1956. ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 3. Д. 60.
- Справки, информации, обзоры о работе редакций комсомольских газет. 1957. (А-Л). РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 848.
- Справки, информации, обзоры о работе редакций комсомольских газет. 1957. (М-Я). РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 849.
- Стенограмма IX Областной комсомольской конференции. 1955. ОДСПИ ГААО. Ф. 1740. Оп. 1. Д. 2258.
- Стенограмма VI пленума Архангельского областного комитета ВЛКСМ. 22 февраля 1957. ОДСПИ ГААО. Ф. 1740 (Архангельский областной комитет ВЛКСМ). Оп. 1. Д. 2432.
- Стенограмма собрания актива Архангельской областной партийной организации. 26 декабря 1956. ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 3. Д. 40. Л. 89 об.
- Стенограмма собрания актива областной комсомольской организации. 15 мая 1958. ОДСПИ ГААО. Ф. 1740. Оп. 1. Д. 2530.
- Стенограмма собрания городского комсомольского актива. 26 марта 1957. ОДСПИ ГААО. Ф. 2700 (Архангельский городской комитет ВЛКСМ). Оп. 26. Д. 12.
- Стенографический отчет VI Пленума Архангельского обкома ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций области по выполнению постановления VI Пленума ЦК ВЛКСМ "Об улучшении идейно-воспитательной работы комсомольских организаций среди молодежи"». 29 августа 1957. ОДСПИ ГААО. Ф. 1740. Оп. 1. Д. 2434. Л. 34.